

В трюм привели Антоненко.

Был он почти невредим, только на щеке след ушиба. Прыгнув за борт в последнюю минуту, когда не осталось больше снарядов и крейсер пылал пламенем, он долго плыл по волнам, часто нырял, спасаясь от пуль, и доплыл к набережной Приморского бульвара. Там он натянул на голую грудь пиджак, брошенный ему каким-то сердобольным прохожим, и никто на бульваре не заметил его вначале. Антоненко слился с толпой. Но один из офицеров, шмыгавших по аллеям, заметил кончик георгиевской матросской ленточки, торчавший из кармана брюк Антоненко. Офицер дернул за ленточку и вытащил бескозырку с надписью «Очаков».

— Стой! — закричал офицер, выхватив револьвер. Матрос бросился бежать, но когда он был уже у ворот бульвара, другие схватили его, связали, бросили в шлюпку и доставили на «Ростислав».

И как ни ясно представлял он себе, что с ним будет, Антоненко радостно вскрикнул, узнав голос Частника:

— Ото ж я! — и крепко сжал руку баталера.

Тот не сразу его узнал. Антоненко спросил:

— Не признал, Сергей Петрович? — И добавил: — Хай подавится Чухна, зверюга!

Частник, если бы мог видеть лицо комендора, не нашел бы на нем и следа обычной кротости. И голос его был тверд, когда он сказал, как бы закончив мысль:

— Не будет им пощады.

Гладкова заметили неподалеку от корабля; он обессилел и не мог плыть. Кто-то с лодки, быстро раздевшись, бросился за ним вплавь и вытащил его.

Так, мокрым с головы до пят, его и привели в трюм. Он вытирал лицо рукавом, но и рукав был